

Меня вновь попросили написать небольшое эссе о поэзии.

Я полагаю, что преображенная речь стихотворений отражает состояние высшей нравственности, отпущенной человеку.

Для меня физически невозможно слагать строку со строкой, если я обуреваем низкими страстями, и потому остается только настаивать на том,

что каждый говорит в стихах так, как говорил бы за него некто, обладающий лучшими качествами его природы.

Мне кажется, поэзия — наиболее прямой путь к свету и точно лучший способ отдавать себе отчет в том, что ты такое.

Если бы пребывать в этом свете постоянно!..

Сергей Арутюнов

* * *

Дернешь «Примы» за магазином,
И пригрезится в пять минут,
Будто в зареве негасимом
Годы прежние вспять идут.
И покажется — неужели
Так бессмысленно коротка
Эволюция униженья
Престарелого городка?

Вместо слогана — пыльный лозунг.
Это в космос кидает клич
Детской памяти отголосок,
Дорогой Леонид Ильич.
Слава утру! Врагов угробив,
Горделивая, как балет,
Марширует страна героев,
Боевых, трудовых побед.

И опять, как на всем Востоке,
Кучковаты до тесноты,
Олимпийские новостройки,
Поликлиники, детсады.
И колец — как лучей, как будто
Ветеранам под шестьдесят,
И ликующему кому-то
Тополя стеной шелестят,

И, немотствуя в отраженье,
Проржавевший скрипит шарнир:
Жив и дед в ледяной траншее,
И отец, объяснявший мир.
Чтоб, укрытый золой и пеплом,
Ты вернулся, насквозь пробит,
К фотографиям черно-белым,
Где неистовый век трубит.

* * *

Свидетель веку своему,
Глотая дни, как сулему,
Я жизнь провел как в забытьи.
О Господи, освободи.

За эти жалкие гроши
Неверья цепи сокруши,
Нравоученьем опостыль,
Как сорок лет моих пустынь.

Явись в осенние хлеба,
Где с Речью шепчется Литва,
Последним на святой Руси
Всего меня преобрази.

Для новой тверди подо мной,
Во имя истины одной,
Во имя той, что всех давней,
Во имя истины Твоей.

* * *

Я не чурался огрести вдвойне
За желтизну, сходящую на желудь,
Как знак того, что царствие Твое
Ни здесь, ни там, а лишь в душе должно быть,

Но вот оно — на срезе полосы
Обычайшего облачного фронта,
Где створ ветров распахнут, как ворота,
И полублака как полусны,

В которых слышишь в сорок раз яснее
Скорлупку дома, вечную, как мир,
Где мама пела и отец хохмил,
И тишину, кричавшую о снеге.

* * *

Ни пылинки с тех лет баснословных,
Только помню в лохматом году —
Как трава выгорает на склонах
И свой мячик в нее я кладу,

Светло-серый, с румяной полоской,
Легким звоном в ответ на удар,
И полощется рясой поповской
Тень отца, что его наподдал,

На асфальте уже бежеватом,
Испаряя подсохшую слизь,
Упаковочно жестким шпагатом
Тени луж далеко разнеслись.

Невозможный, немислимый случай!
Пролетают, небывшим дразня,
«Инвалидки» багажник трескучий,
Милицейских «уралов» грызня.

...После рая — морозная тундра,
Лай зениток да кашель базук.
Никогда ни глоточка оттуда,
Только эта картинка и звук.

* * *

Дмитрию Филиппову

Не могу осознать, а раз так, то, наверно, не надо мне,
Как сливают страну и как мертвый над нею стою,
И на подиум входят литые самцы доминантные,
А другие в гробах возвращаются в землю свою.

И на этой земле, сухоснежьем едва припорошенной,
Штыковыми лопатами роют им скорбный альков,
И звенит в их манерках последней упрямой горошиной
То ли хруст мировой, то ли слышанный в детстве Тальков.

Не журишь, пацаны, неизвестно, кому тут херовее:
Вы-то, вон, залегли аж до самого Судного дня.
Остающимся здесь — тискать баб с выменями коровьими,
Поменяться бы с вами, козлятки... такая фигня...

За три выстрела взводных, овальный портретик на мраморе,
За гвардейскую ленту венка, что от хмари промок,
Оловянную кружку со ста милосердными граммами,
Поменялся бы с вами и я, если только бы мог.

* * *

Дане Курской

Противиться ли унижению,
Когда, Отчизны беспробудней,
Лохматой ростовой мишенью
Душа кренился перед бурей,
И жизнь идет без всяких скидок,
Пустыннее, чем Калахари,
Под сеток противомоскитных
Раскидистое колыханье.

Еще я связан этой тайной,
Сопротивленьем жалкой плоти
Зиме сырой, зиме тотальной,
Разъятой на дневные ломти,
Но вот средь чахлах лесопарков
Схватившись намертво с рутинной,
Смолой грядущего запахнув,
Растет апрель неотвратимый,

Над прахом железобетона
Восходит полдень бирюзовый,
И синь распахивает окна,
Скрипя заржавленной рессорой,
Но что б она ни означала,
Лучами пробудив пичугу,
Я снова тот, кем был сначала,
И мальчиком вверяюсь чуду.

* * *

когда в снопы колосья клеил
душистый ветер луговой,
и просыпающийся клевер
качал росистой головой,
сверкала пустота алмазом,
врастая в полноту семян,
и мир, безмолвием помазан,
вращался, бегом осиян,

грехами пращуров не скован,
к лучу пробившийся росток,
вступил я с жизнью в тайный сговор
и узы прежние расторг,
и заспешили дни торопко
под хрусткий скрежет каблука,
и домом стала мне дорога
за перистые облака.

туда, за снежные громады,
за полу-яблока бемоль,
слетались вестники, крылаты,
пылая светлой глубиной,
и летний дух с его томленьем,
начищенным, как самовар,
я ощутил еще двухлетним
и с той поры не забывал.

* * *

Только зиму и помню,
Только зиму и помню одну.
Как по минному полю,
По проталинам вешним иду.

Ни о чем не жалею.
Той же крови, что всякий в строю,
Укрывался шинелью,
Шел по бритвенному острию.

Уходя, попрощайся —
Вот и все, что мы в книгах прочли.
Но как в детстве, о счастье,
Гомонят золотые ручьи.

И намного предметней
Талых вод, обреченных веслу,
Мой сынишка трехлетний
Изумленно глядит на весну.